

Дни шли один за другим, и жизнь в классе постепенно устоялась. Се Хуайде и Сюй Чжися, соседи по последней парте у окна, стали для третьего класса эдакой уникальной достопримечательностью — символом молчаливого и напряженного сосуществования.

Се Хуайде оставался всё тем же бесцельно прожигающим жизнь, вечно злым школьным хулиганом. Он спал на уроках, дерзил учителям и не жаловал никого, кроме девушек. В его парте скапливалось всё больше бумажных бабочек, которые он время от времени небрежно выбрасывал в окно на переменах. Они, красочные и яркие, кружась, падали вниз, и в этом было нечто отталкивающе прекрасное.

Сюй Чжися продолжал оставаться тем самым нелюдимым гением. Он слушал учителей, решал задачи, углублялся в чтение внушительных книг, от которых у остальных пробежал холодок по спине, отвечал на вопросы чётко и по делу, а на уроках физкультуры ничуть не уступал другим. Между ними по-прежнему не было ни слова, но невидимая атмосфера — словно прецизионный прибор, наблюдающий за нестабильной переменной — неизменно витала вокруг них.

Приближалась спортивная эстафета, и в классе стало заметно оживлённее. Ци Юй, будучи спортивным организатором, носился туда-сюда, подсчитывая участников и организуя тренировки.

Фань Ро и Линь Яньцин получили от классного руководителя ответственное задание — отвечать за агитационные плакаты и материальное обеспечение во время соревнований.

В тот день во время урока самоподготовки Ци Юй снова подошёл к задним партам. В руках он сжимал регистрационный лист, а на лице блуждала заискивающая улыбка. Его целью был Сюй Чжися:

— Сюй, дружище, с тремя километрами проблем не будет? Может, потренируешься пару вечеров после уроков на стадионе? Я составлю компанию!

Сюй Чжися поднял глаза от книги на английском языке, но не успел ответить, как рядом раздался голос Се Хуайде. Сонная хрипотца в его тоне была смешана с привычной насмешкой:

— Что тренировать? Чтобы просто пробежаться, обязательно нужна компания?

Ци Юй вздрогнул от неожиданности, втянул голову в плечи и неловко рассмеялся:

— Ну... это... взаимная дисциплина, понимаешь...

Сюй Чжися бросил взгляд на Се Хуайде. Тот сидел, склонив голову набок, и смотрел на него с вызывающим выражением, а в уголках губ застыла едва заметная усмешка.

— Не нужно, — Сюй Чжися отвёл взгляд и сказал Ци Юю: — Я справлюсь сам.

— О, ну... ладно, — Ци Юй, словно получив помилование, поспешил ретироваться.

Се Хуайде фыркнул, посчитал это скучным и снова уткнулся лицом в парту. Он закрыл глаза, но сон не шёл. Уши улавливали тихий шелест страниц, которые переворачивал Сюй Чжися, и приглушённые голоса Фань Ро и Линь Яньцина с передней парты, обсуждавших текст для плаката.

— Линь Яньцин, фраза «Юность летит ввысь» не слишком ли избита?

— Пожалуй. Может, попробуем «Пот куёт величие»?

— М-м... тоже как-то обыденно. Давай подумаем ещё...

Эти звуки, сливавшиеся с доносившимися из-за окна свистками и криками со стадиона, создавали фон «нормальной» школьной жизни — такой, которую он одновременно отвергал и от которой был не в силах полностью отгородиться. Он чувствовал себя чужаком, отделённым невидимым барьером.

Через некоторое время он почувствовал, что Сюй Чжися встал и вышел. Наверное, в туалет или за водой.

Се Хуайде не шелохнулся, по-прежнему лёжа на парте.

Не прошло и нескольких минут, как с передних парт донёсся приглушённый возглас Фань Ро:

— Ай!

Затем последовал обеспокоенный вопрос Линь Яньцина:

— Что случилось?

— Ничего, ничего, — Фань Ро шумно втянула воздух, — случайно опрокинула стакан, документы немного намокли...

Се Хуайде приподнял веки и лениво взглянул вперёд. Фань Ро суетливо протирала салфеткой распечатанные листы, Линь Яньцин помогала ей. Вода расплылась по бумаге, буквы стали неразборчивыми.

— Пф, — Се Хуайде издал бессмысленный звук и снова собрался закрыть глаза.

И в этот миг его взгляд случайно упал на парту Сюй Чжися. Книга на английском, в которую тот был так погружён, осталась лежать раскрытой, рядом стоял пенал и лежала аккуратная стопка черновиков. А поверх стопки лежал тёмно-синий блокнот в твёрдом переплёте.

Глаза Се Хуайде замерли.

На углу обложки блокнота простыми чёрными линиями была нарисована бабочка,

расправляющая крылья. Линии были лаконичными, но поразительно уверенными, исполненными холодной красоты, в точности передающей саму суть Сюй Чжися.

Бабочка?

Сюй Чжися?

Дыхание Се Хуайде на мгновение почти остановилось. Он уставился на этот линейный рисунок, и в голове пронеслись кадры: белая бумажная бабочка, которую он сам же спрятал в парту; слова Сюй Чжися о том, что для оригами нужно спокойное сердце; бесконечные мгновения, когда тот сидел, недвижно глядя в сторону.

Абсурдное, невыразимое чувство охватило его. Сюй Чжися был гораздо сложнее, чем показывал или чем мог разглядеть кто-либо другой.

Он быстро отвёл взгляд и снова лёг, притворившись, что ничего не видел. Но сердце против воли забилось чаще. Смесь любопытства, настороженности и странного ощущения, будто он случайно задел чью-то родственную, но скрытую натуру, начала разливаться в глубине души.

Сюй Чжися вскоре вернулся, шаги его были всё такими же беззвучными. Он сел, взял английскую книгу и продолжил читать, словно не заметив мимолётного пристального взгляда Се Хуайде и не беспокоясь о том, что маленький рисунок на обложке мог быть кем-то увиден.

После уроков Се Хуайде не спешил в общежитие. Словно поддавшись какому-то наитию, он свернул в небольшую рощу за учебным корпусом — место, куда изредка приходил, чтобы развеяться.

Он прислонился к старому дереву, достал из кармана цветную бумагу и, склонив голову, начал складывать фигурку. Сегодня он делал это медленно, с силой продавливая каждый сгиб, словно пытаясь вмять в бумагу всё своё раздражение и те только что проросшие, хаотичные мысли о Сюй Чжися.

Чёрная бабочка с острыми, как лезвия, гранями крыльев легла в его ладонь.

Он долго смотрел на неё, затем резко вскинул руку, намереваясь, как обычно, запустить её в воздух.

Но на полпути рука замерла.

Он вспомнил ту холодную линейную бабочку на обложке блокнота Сюй Чжися, вспомнил скрытую сторону, которая, возможно, таилась за его спокойным, лишённым эмоций взглядом.

В конце концов, он не стал выбрасывать чёрную бабочку, а крепко сжал её в кулаке — грани

больно впились в ладонь.

Он развернулся и пошёл обратно. Его силуэт в сумерках оставался всё таким же гордым и одиноким, но в глазах, всегда полных злости и дурмана, что-то начало неуловимо трескаться и медленно собираться заново.

Его неприязнь к Сюй Чжися никуда не делась.

Но теперь эта неприязнь перестала быть простой. В неё вплелась нить исследования, крупница того внимания, которое он сам не хотел признавать — внимание, привлечённое тенями, невольно отбрасываемыми другой сложной душой.

Это безмолвное противостояние, начавшееся с мысли ты не сильнее меня, начало скользить в более глубокое, непредсказуемое русло.

И никто из двоих подростков, одинаково противоречивых и одинаково тщательно скрывающих своё истинное я, не знал, кто из них первым разобьёт эту твёрдую оболочку хотя бы в узкой щели.

<http://bllate.org/book/21841/2264364>